

ОЛЬГА СТАРОВОЙТОВА

ОПЕРАЦИЯ "СЕКРЕТНЫЙ РЕЦЕПТ"

Ольга Старовойтова
Операция "Секретный рецепт"
Серия «Три грации», книга 3

<https://litres.ru/74085199>

SelfPub; 2026

Аннотация

3 книга из серии

Когда в знаменитом парижском ресторане делают запрос на утерянный рецепт ленинградского расстегая, три петербургские дамы (при полной поддержке Кати и Игоря) решают лететь во Францию. Но их миссия не так проста, как кажется: в основе рецепта скрыт шифр, указывающий на местонахождение одной из утраченных частей коллекции Фаберже.

Официально они — группа пожилых дам, едущая по культурному обмену от кулинарного общества. Тайно — команда шпионов, которая должна найти шантажиста, вернуть украденную тетрадь с секретами и не попасться спецслужбам.

Вас ждут:

Парижский шарм, кулинарные поединки и закрытые клубы для избранных.

Тайны блокадного Ленинграда и гениальный инженерный шифр, спрятанный в пропорциях теста.

Душевная атмосфера, аромат свежей выпечки и французских духов.

Это история о том, что настоящие сокровища нельзя купить за деньги, а самый крепкий бронежилет — это любовь семьи и верность слову.

Содержание

Глава 1. Письмо из Парижа	5
Глава 2. Военный совет на кухне	10
Глава 3. Парижский гардероб	15
Глава 4. Небесная трапеза и улочки Монмартра	21
Глава 5. Утро на Монмартре и первый ход	25
Глава 6. «Le Jardin Secret» и русская душа	29
Глава 7. Парижский гамбит	34
Глава 8. Лувр. Диалог через века	37
Глава 9. Рынок Ришелье-Ленуар. Душа Парижа	40
Глава 10. Сувениры для капитана Арсения	43
Глава 11. Ужин при свечах: вкус победы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Старовойтова

Операция

"Секретный рецепт"

Глава 1. Письмо из Парижа

Прошёл год. Год, за который мир в квартире номер со-рок пять стал привычным, уютным и почти обыденным. Война с «Братством» и охотниками стала далёким, страшным сном, который они старались не вспоминать за вечерним чаем. Жизнь текла своим чередом: Арсений пошёл в детский сад, Игорь пропадал на работе, а Катя открыла небольшую онлайн-школу по истории искусств.

Квартира превратилась в неофициальный клуб Хранителей. Пётр Аркадьевич, Михаил Андреевич и Зоя Николаевна часто заглядывали на чай, принося с собой чертежи или старинные кулинарные книги. Но главными хранительницами очага, как и прежде, были они — три бабушки.

В то утро Серафима Павловна, как обычно, спустилась к почтовому ящику в парадной. Она не ждала писем — все счета приходили на электронную почту Игоря, а друзья предпочитали звонить. Но среди рекламных буклетов пиццерии и салона красоты её рука нащупала плотный, шероховатый

на ощупь конверт.

Он был не похож на обычную почту. Никакой марки. Только её имя и адрес, написанные изящным, каллиграфическим почерком с сильным наклоном влево и характерными завитками. И обратный адрес: Restaurant «Le Jardin Secret», Paris.

Вернувшись в квартиру, Серафима Павловна долго стояла в прихожей, разглядывая конверт. Её сердце почему-то билось быстрее.

— Симочка, что там у тебя? — раздался из гостиной голос Аглаи Эдуардовны.

Серафима Павловна прошла в гостиную, где Аглая Эдуардовна разгадывала кроссворд, а Эльвира Генриховна тихо напевала что-то, перебирая спицы для вязания.

— Вот, — Серафима Павловна протянула конверт. — Из Парижа.

Аглая Эдуардовна немедленно отложила газету и взяла письмо. Она внимательно изучила почерк, повертела конверт в руках.

— Дорогая бумага... — констатировала она. — Веленевая. Очень дорого. И запах... Чувствуете? Лёгкий аромат сандала и старой бумаги.

Эльвира Генриховна принялась.

— И ещё нотка ванили, — добавила она.

Серафима Павловна присела на краешек кресла.

— Откроем?

Аглая Эдуардовна аккуратно, маникюрными ножницами, взрезала конверт. Внутри лежал лист такой же дорогой бумаги и небольшая картонная карточка — приглашение в ресторан «Le Jardin Secret» на имя мадам Серафимы Павловны. А под ней — само письмо.

Серафима Павловна надела очки для чтения и начала вслух:

«Уважаемая мадам Нестерова!» — голос её чуть дрогнул на слове «мадам».

«Обращаюсь к Вам по рекомендации одного нашего общего друга из Санкт-Петербурга (имя которого мы позволим себе не называть), который утверждает, что Вы являетесь хранительницей величайших кулинарных секретов Северной Столицы...»

Дамы переглянулись.

«Наш ресторан славится воссозданием исторических рецептов мировой кухни. В этом году мы готовимся к особому юбилею — годовщине Гастрономического Саммита 1956 года. Центральным блюдом того исторического приёма был легендарный „Ленинградский расстегай“, о котором до сих пор ходят легенды в узких кругах...»

Серафима Павловна замерла. Её пальцы, державшие письмо, слегка побелели. Аглая Эдуардовна тут же заметила это и положила свою ладонь поверх руки подруги.

«...Мы были бы безмерно счастливы и благодарны, если бы Вы согласились поделиться аутентичным рецептом этого

шедевра. Мы готовы предложить щедрое вознаграждение за Ваше время и талант...»

Серафима Павловна дочитала до конца и медленно сняла очки.

— Это он... — прошептала она. — Тот самый рецепт. Мой шедевр.

В 1956 году она, тогда ещё молодой экскурсовод Русского музея (но все знали об особой любви Серафимы Павловны к кулинарии – она в прямом смысле могла легко сварить кашу из топора), создала его специально для приёма французской делегации по личной просьбе людей, которым не отказывают. Это был расстегай с начинкой из осетрины, риса и лесных грибов, но секрет был в тесте — оно замешивалось на луковом отваре с добавлением капли коньяка и тёртого мускатного ореха. Рецепт был записан в её личной тетради... которая пропала много лет назад. — Но это ещё не всё... — сказала Аглая Эдуардовна, которая дочитала письмо до конца после подруги. Она ткнула пальцем в последнюю строчку:

«P.S. Мы знаем, что истинная ценность Вашего творения заключается не только во вкусе. Мы знаем о шифре. И мы готовы заплатить за информацию значительно больше».

В гостиной повисла мёртвая тишина. Было слышно только тиканье старинных часов и то, как на кухне Игорь что-то напевает Арсению.

Шифр. Об этом не знал никто, кроме Серафимы Павловны. В рецепте теста была зашифрована последовательность

шагов, которая являлась ключом к одной из утраченных частей коллекции Фаберже — пасхальному яйцу «Ландыши», которое считалось безвозвратно утерянным во время эвакуации ценностей из блокадного Ленинграда.

— Кто-то в Париже знает нашу тайну... — тихо произнесла Эльвира Генриховна.

Серафима Павловна выпрямилась. В её глазах больше не было растерянности. В них появился тот самый стальной блеск, который Аглая Эдуардовна помнила ещё со времён их юности.

— Они шантажируют нас? — спросила она ровным голосом.

— Похоже на то, — кивнула Аглая Эдуардовна.

— Что ж... Значит, нам придётся нанести визит в этот «Секретный сад».

Глава 2. Военный совет на кухне

Когда Игорь и Катя вернулись с прогулки с Арсением, их встретил не привычный уютный шум квартиры, а звенящая, сосредоточенная тишина. Бабушки собрались в гостиной, но это не было обычное вечернее чаепитие. Аглая Эдуардовна сидела в кресле с прямой, как струна, спиной, Эльвира Генриховна задумчиво перебирала бахрому на скатерти, а Серафима Павловна стояла у окна и вертела в руках тот самый конверт из Парижа.

Арсений, почувствовав напряжение, молча убежал в детскую к своим игрушкам.

— Что случилось? — Катя сразу почувствовала неладное. Игорь, заметив серьёзные лица, тоже напрягся.

Серафима Павловна молча протянула им письмо и приглашение.

Катя и Игорь читали молча. Катя — быстро, её глаза бежали по строчкам. Игорь — медленно, вдумчиво, словно сканируя текст на предмет скрытых угроз. Когда они закончили, Катя аккуратно положила листки на столик.

— Шантаж, — констатировал Игорь. Он не спрашивал, он утверждал. Его инженерный ум уже начал просчитывать варианты. — Они знают, очевидно, о некоем шифре и пытаются выманить у вас информацию.

— Но что за шифр? — Катя непонимающе посмотрела на

бабушек. — В рецепте пирога? Я что-то упускаю?

Серафима Павловна тяжело вздохнула и, наконец, отошла от окна. Она села в кресло и сложила руки на коленях.

— Это долгая история, Катенька. И началась она не с пирога, а с блокады.

Она обвела взглядом всех присутствующих, словно проверяя, готовы ли они слушать.

— В сорок третьем году... когда стало чуть легче, но голод всё ещё был нашим постоянным спутником... мы с девочками (она кивнула на Аглаю и Эльвиру) поклялись друг другу, если мы выживем, мы сделаем всё, чтобы сохранить память о том времени. Не только через официальные архивы, но и через что-то... личное.

Аглая Эдуардовна подхватила рассказ:

— У Серафимы был талант. Она могла запомнить любой рецепт с одного раза. И она придумала гениальный способ. Мы знали о тайниках Фаберже, о пропавших во время эвакуации сокровищах. Но точные координаты... они были утеряны.

— И я спрятала их, — тихо закончила Серафима Павловна. — Я спрятала координаты в рецепте того самого «Ленинградского расстегая», который готовила для французов в пятьдесят шестом.

Игорь удивлённо поднял брови:

— Как? В граммах муки?

Серафима Павловна улыбнулась.

— Почти. Смотри. Количество граммов каждого ингредиента — это цифры: широта и долгота. Например, 400 грамм муки — это 40 градусов северной широты. 56 грамм сахара — 56 градусов восточной долготы. Но это было бы слишком просто.

Она встала и начала загибать пальцы, перечисляя:

— Сорт рыбы (осетрина или стерлядь) указывал на конкретный район поиска. Температура выпекания (180 градусов) обозначала глубину залегания тайника в метрах. А последовательность закладки ингредиентов была ключом к расшифровке: что считать первым ориентиром, а что — вторым.

— Это был идеальный тайник, — добавила Эльвира Генриховна. — Рецепт знаменитого блюда, который никто бы не стал подозревать. А даже если бы и заподозрил... без понимания системы это просто набор цифр для вкусной выпечки.

— Но как об этом узнали в Париже? — Катя всё ещё не могла прийти в себя от такой изобретательности.

Серафима Павловна помрачнела.

— Тетрадь пропала почти сорок лет назад. Я думала, она просто... потерялась при переезде. Но теперь я понимаю. Её украли.

— Кто? — тихо спросил Игорь.

— Его звали Анри Дюбуа. Он был сомелье из «Метрополя». Молодой француз, стажёр. Он был... очарован нашей кухней и мной. Мы много общались во время подготовки к

тому приёму. Я доверяла ему настолько, что показала черновики рецепта. Он восхищался... А потом я заметила пропажу моей кулинарной тетради.

— Значит, он унёс рецепт во Францию, — подытожила Аглая Эдуардовна. — И хранил его все эти годы. А теперь... либо он сам решил воспользоваться шифром на старости лет, либо его потомки нашли тетрадь и поняли её ценность.

Игорь снова взял в руки приглашение в ресторан «Le Jardin Secret».

— «Бывший сомелье». Теперь всё сходится. Это не просто шантажисты. Это человек или люди, у которых есть прямое доказательство — ваша тетрадь.

Наступила пауза.

— Значит, мы должны поехать, — твёрдо сказала Серафима Павловна.

Катя удивлённо вскинула брови:

— В Париж? Втроём?

— Именно втроём, — кивнула Аглая Эдуардовна. — Небольшая группа пожилых дам, едущая по культурному обмену от кулинарного общества. Кто заподозрит в них шпионов?

Игорь вздохнул и посмотрел на жену.

— Хорошо. Допустим, вы летите в Париж. Каков план?

Серафима Павловна взяла письмо.

— «Мы знаем о шифре». Это значит одно из двух: либо у них уже есть тетрадь и они просто издеваются над нами...

либо они ждут её от нас.

— Значит, наша цель — найти этого Анри Дюбуа или его наследников раньше, чем они поймут наши намерения, и вернуть тетрадь... или хотя бы понять их планы, — подвела итог Эльвира Генриховна.

Катя обвела всех взглядом: три решительные бабушки и она с Игорем, готовые стать их тылом.

— Звучит как начало отличной авантюры, — улыбнулась она.

Игорь только покачал головой и направился к компьютеру.

— Тогда я начинаю искать билеты на три персоны до Парижа.

Операция «Секретный рецепт» началась.

Глава 3. Парижский гардероб

Следующие три дня квартира номер сорок пять напоминала не уютное семейное гнездо, а штаб-квартиру модного дома «Шанель», в которую случайно занесло отряд реставраторов. Повсюду, словно осенние листья, были разбросаны шелковые шарфы, на спинках стульев висели платья, а в воздухе витал тонкий аромат лаванды и пудры — Серафима Павловна достала из комода свои любимые духи «Красная Москва», утверждая, что «в Париж нужно ехать во всеоружии».

Официальным поводом для поездки стал «Кулинарный симпозиум по обмену опытом между европейскими школами гастрономии». Игорь, используя свои связи в мире книг (которые, как оказалось, простирались весьма широко), за один день оформил им приглашения и визы. Оставалось самое главное — сборы.

— Симочка, ты уверена? — с сомнением в голосе спросила Аглая Эдуардовна, критически осматривая платье из плотного изумрудного шёлка, которое её подруга прикладывала к себе перед зеркалом в спальне.

— Абсолютно! — Серафима Павловна решительно кивнула. — В Париже сейчас осень. Будет сыро и ветрено. Нам нужно что-то тёплое, но элегантное. Это платье от Вячеслава Зайцева, между прочим! Я надевала его на открытие его

выставки в восемьдесят девятом. Посмотри на крой!

Крой и правда был безупречен: платье-футляр с высоким воротом и длинными рукавами не кричало о моде, оно шептало о безупречном вкусе.

— А я думаю о практичности, — подала голос Эльвира Генриховна из своего угла. Она не участвовала в выборе нарядов, она занималась архиважным делом — упаковывала аптечку. — У меня всё по списку: от давления, от суставов, от несварения... И обязательно мятные леденцы. В самолёте у меня всегда закладывает уши.

Катя, которая вызвалась быть их стилистом-помощником, только улыбалась, наблюдая за этой суетой.

— Дорогие мои, а обувь? Вы уже решили?

Этот вопрос вызвал новую волну паники. Из глубин шкафа были извлечены на свет божий обувные коробки, которые не открывали лет десять. Внутри, переложённые папиросной бумагой, покоились сокровища.

— Вот! — Серафима Павловна торжественно поставила на кровать коробку. — Итальянские туфли-лодочки. Каблук умеренный, ходить по брусчатке будет удобно.

— А я возьму свои бежевые лоферы, — сказала Эльвира Генриховна. — Они подходят ко всему.

Аглая Эдуардовна молча продемонстрировала пару мягких кожаных балеток.

— Я пас. Моим ногам нужен комфорт.

Игорь, который зашёл в спальню с чашкой чая для Кати,

только хмыкнул, глядя на это великолепие.

— Вы там... это... не слишком? Три чемодана на три дня?

— Игорь! — Серафима Павловна посмотрела на него так, что тот сразу почувствовал себя провинившимся школьником. — Мы едем в Париж! В Париж с одним чемоданом ездят только студенты и хиппи! Мы — дамы с дипломатической миссией!

— И потом, — добавила Аглая Эдуардовна, аккуратно складывая в отдельный шёлковый мешочек свои украшения (несколько нитей жемчуга и старинную камею), — нам нужен гардероб на все случаи жизни. Визит в Лувр требует одного дресс-кода, а ужин в закрытом ресторане — совсем другого.

В этот момент Эльвира Генриховна оторвалась от своей аптечки и обвела всех очень серьёзным взглядом.

— Девочки... А деньги?

Все замерли. Действительно. В пылу модных сборов о самом главном чуть не забыли.

— В сумочке носить опасно, — продолжала Эльвира Генриховна. — Сумочку могут вырвать прямо на улице. Я вчера передачу видела.

Серафима Павловна всплеснула руками:

— И что же делать? Не пришивать же кармашек к подкладке пальто!

В комнате повисла тишина. А потом Аглая Эдуардовна медленно повернулась к Серафиме Павловне. В её глазах за-

жётся озорной огонёк.

— А почему бы и нет?

Катя прыснула со смеху.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно! — Серафима Павловна уже загорелась идеей. — Это же гениально! Кто будет обыскивать трёх почтенных дам на предмет потайных карманов в нижнем белье? Это же верх неприличия!

Через час гостиная превратилась в швейную мастерскую. На столе лежали: крепдешиновая комбинация Аглаи Эдуардовны, хлопковая сорочка Серафимы Павловны и практичные панталоны Эльвиры Генриховны (последние вызвали самый большой приступ веселья у Кати).

Игорь, снова заглянувший в комнату, застал дивную картину: три дамы сидели рядом на диване и под руководством Кати орудовали иглками.

— Игорь Андреевич! — строго сказала Серафима Павловна, не отрываясь от работы. — Немедленно покиньте помещение! Здесь происходит секретная операция «Финансовая безопасность»!

Игорь только покачал головой и ретировался, бормоча себе под нос что-то про «шпионский роман».

Кульминацией сборов стал выбор шляпок. Это было решено за чашкой утреннего чая.

— Шляпка — это не просто головной убор, — менторским тоном заявила Аглая Эдуардовна. — Это заявление о

намерениях.

В итоге Серафима Павловна выбрала элегантную фетровую шляпку цвета бургундского вина с маленькой вуалью.

— Для создания ореола таинственности, — пояснила она. Аглая Эдуардовна остановилась на строгой широкополой шляпе с атласной лентой.

— Классика вне времени.

Эльвира Генриховна ограничилась лёгким шёлковым платком-каре от «Эрмес», который ей когда-то привёз из командировки покойный муж.

— Чтобы не продуло на набережной Сены.

Когда вечером третьего дня три пузатых чемодана на колёсиках и несколько шляпных коробок выстроились в прихожей, квартира казалась опустевшей. Арсений ходил вокруг багажа и трогал его пальцем, как диких зверей.

Катя обняла по очереди всех своих бабушек.

— Вы такие красивые... И такие опасные шпионки.

Серафима Павловна погладила её по щеке.

— Не волнуйся, Катенька. Мы просто три милые старушки, которые едут поговорить о пирогах... и проветрить свои потайные кармашки.

Аглая Эдуардовна поправила брошь на воротнике своего дорожного костюма.

— И мы вернёмся с победой. Или с рецептом. Или и с тем, и с другим.

В десять вечера за ними приехало такси до аэропорта Пул-

ково. Игорь нёс чемоданы, а Катя махала им с порога.

Три элегантные дамы сели в машину. Такси мигнуло задними фарами и скрылось за поворотом, унося их навстречу парижским приключениям.

Глава 4. Небесная трапеза и улочки Монмартра

Аэропорт Шарль-де-Голль встретил их гулом, разноречью и запахом дорогого кофе. Для Серафимы Павловны, Аглаи Эдуардовны и Эльвиры Генриховны это было похоже на сцену из фантастического фильма. Последний раз они летали на самолете в начале восьмидесятых, в составе ленинградской делегации на фестиваль в Софию. Тот перелет запомнился им тесным салоном Ту-154, запахом перегретого пластика и стюардессами с непроницаемыми лицами, разносившими подносы с одинаковыми, заветренными курицами.

Поэтому, когда они поднялись на борт современного лайнера, их изумлению не было предела.

— Господи, Сима, ты только посмотри! — прошептала Аглая Эдуардовна, опускаясь в широкое кожаное кресло бизнес-класса (Игорь настоял, чтобы они не экономили на комфорте). — Это же не кресло, а какой-то зубоврачебный кабинет для миллионеров!

— И оно само двигается! — Серафима Павловна с опаской, но и с детским восторгом нажимала на кнопки, заставляя спинку кресла принимать разные положения. — Аглая, я лечу лежа! Как барыня!

Эльвира Генриховна, пристегнув ремень безопасности, с интересом изучала сенсорный экран, встроенный в спинку кресла перед ней.

— А тут кино можно смотреть... И карта полета есть. Но настоящий культурный шок произошел, когда к ним подошла стюардесса — юная, сияющая улыбкой девушка в безупречной форме.

— Bonjour, mesdames! Желаете приветственный напиток? Шампанское? Апельсиновый сок?

— Нам? Шампанского? — Серафима Павловна посмотрела на неё так, словно девушка предложила ей слетать на Луну.

— Конечно! — Аглая Эдуардовна первая пришла в себя и элегантно поправила воротник. — Мы бы хотели по бокалу Blanc de Blancs, если вас не затруднит.

Когда стюардесса вернулась с тележкой, на которой стояли ведро со льдом и изящные бокалы, а затем начался сам ужин (не курица, а лосось на подушке из спаржи!), дамы окончательно поняли: мир изменился до неузнаваемости.

— В наше время в самолете давали карамель «Взлетную», — задумчиво произнесла Эльвира Генриховна, пробуя десерт. — А тут... это просто опера. Кулинарная опера.

Такси везло их по ночному Парижу. Город сиял огнями, отражаясь в мокром после короткого дождя асфальте. Они свернули с шумных проспектов на узкие улочки Монмартра.

— Игорь сказал «тихий отель в переулке», — Серафима Павловна прижималась носом к стеклу. — Надеюсь, это не значит «в подвале у клошара».

Такси остановилось перед трехэтажным зданием из светлого камня, увитым плющом. На кованой вывеске у входа горел неоновым светом маленький фонарик с надписью «Hôtel du Passage».

Внутри их ждал еще один сюрприз. Вместо безликого холла сетевой гостиницы они оказались в уютном помещении, пахнущем старым деревом, воском для пола и свежими цветами. За стойкой из темного дуба стоял пожилой меcье с пышными усами и в жилетке. Он говорил по телефону, но, увидев новых постоялиц, расплылся в улыбке и тут же закончил разговор.

— Mesdames! Bienvenue! — его французский был густым и раскатистым.

Дамы переглянулись. Это было именно то, что нужно. Место с душой.

Их номер оказался на втором этаже. Небольшой, но с высоченными потолками и огромным окном, выходящим в тихий внутренний дворик-колодец, где цвел старый каштан и журчал крошечный фонтан.

— Какая прелесть! — Серафима Павловна поставила чемодан на специальную подставку. — Здесь чувствуется история.

Аглая Эдуардовна выглянула в окно.

— Если бы мы умели видеть сквозь стены, то непременно бы лицезрели Эйфелеву башню из наших окон! Зря, что ли она находится как раз с нашей стороны?!

Эльвира Генриховна проверила мягкость матраца на своей кровати. — Если мне разрешат, я заберу этот матрац с собой домой! А если серьезно, то давайте отдыхать, а то моя спина уже себя не чувствует, даже не смотря на удобное кресло самолета.

Глава 5. Утро на Монмартре и первый ход

Парижское утро ворвалось в их уютный номер не через окно, а через приоткрытую дверь на маленький балкон. Вместе с прохладным воздухом и запахом свежей выпечки с улицы доносились звуки просыпающегося города: далёкий звон велосипедного звонка, чей-то смех и тихий, убаюкивающий гул, который мог издавать только этот город.

Серафима Павловна проснулась первой. Она лежала, глядя на лепнину на потолке, и прислушивалась к звукам. Из смежной комнаты доносилось мерное сопение Аглаи Эдуардовны, а с кресла в углу, где спала Эльвира Генриховна, — тихое посапывание.

Она встала, бесшумно ступая по мягкому ковру, и вышла на балкон. Утренний свет заливал черепичные крыши соседних домов. Где-то внизу, во двореке, пожилая консьержка в домашнем халате поливала цветы в горшках, напевая что-то себе под нос. Это была не картинка из путеводителя. Это была живая, дышащая душа Парижа.

— Доброе утро, — раздался сонный голос за её спиной.

На балкон вышла Аглая Эдуардовна, накинув на плечи гостиничный халат.

— Ты только посмотри, — прошептала Серафима Пав-

ловна. — Как в кино.

Через пять минут они уже все втроём стояли у окна, вдыхая аромат кофе, который им принесли в номер по первому звонку.

— Так, девочки, — Серафима Павловна поставила чашку на столик и повернулась к подругам. Лицо её приняло сосредоточенное выражение. — Сегодня у нас рекогносцировка. Мы не можем просто так прийти в ресторан и начать спрашивать о сомелье. Это вызовет подозрения.

— Нам нужен повод, — кивнула Аглая Эдуардовна. — Официальная версия нашего визита — рецепт. Значит, мы должны вести себя как эксперты. Мы должны показать им, что мы достойны этого секрета.

— А для этого... — Эльвира Генриховна хитро улыбнулась и достала из своего саквояжа небольшой блокнот в кожаном переплёте. — ...у меня есть план. Я составила список вопросов по технологии выпечки расстегая. Очень специфических вопросов. Про температуру лукового отвара, про время ферментации теста... Если шеф-повар не сможет на них ответить, значит, он не имеет никакого отношения к оригиналу. А если сможет... значит, он знает больше, чем говорит.

— Браво! — Аглая Эдуардовна поцеловала подругу в щёку. — Это гениально! Мы их проверим на знание предмета!

Спустя час три элегантные дамы вышли из отеля «du Passage». Серафима Павловна была в своём изумрудном платье и шляпке с вуалью, Аглая Эдуардовна — в строгом ко-

стюме и широкополой шляпе, а Эльвира Генриховна — в удобном твидовом пальто и с шёлковым платком на шее.

Они шли по узкой улочке Монмартра, с интересом разглядывая витрины художественных галерей и лавок с сырами.

— Ресторан «Le Jardin Secret» находится в Первом округе, недалеко от Лувра, — сказала Серафима Павловна, заглядывая в карту. — Это довольно далеко отсюда. Но... я бы хотела сначала заглянуть в одно место.

Она привела их к небольшому магазинчику с вывеской «La Soie de Paris».

— Девочки, статусы экспертов высокой кухни подождут. А в первую очередь мы кто? Правильно, женщины!

Через полчаса они вышли из магазина, бережно неся фирменные пакеты. Внутри лежали три пары тончайших шёлковых чулок — невиданная роскошь и непозволительная в молодости трата.

— Теперь мы готовы к визиту к врагу, — с удовлетворением сказала Аглая Эдуардовна, поправляя перчатки.

К полудню они добрались до нужного адреса. Ресторан «Le Jardin Secret» оказался именно таким, каким они его представляли: неприметная дубовая дверь без вывески у входа в старинное здание, маленькая латунная кнопка звонка и камера наблюдения над дверным козырьком.

Серафима Павловна решительно нажала на кнопку. Через несколько секунд из динамика раздался вежливый мужской голос:

— Oui?

— Bonjour, месье, — Серафима Павловна говорила по-французски медленно, но очень правильно. Её произношению позавидовала бы любая парижанка. — Мы из Санкт-Петербурга. По поводу рецепта расстегая.

Наступила пауза. Затем что-то щёлкнуло, и тяжёлая дверь с тихим жужжанием приоткрылась.

— Проходите. Вас ждут.

Они переглянулись и шагнули в полумрак коридора. Игра началась.

Глава 6. «Le Jardin Secret» и русская душа

Коридор, в который они попали, был полной противоположностью парадным, золотым залам русских ресторанов, какими их помнили дамы. Здесь не было ни лепнины на потолке, ни зеркал в тяжелых рамах, ни хрустальных люстр, отражающихся в натертом до блеска паркете. Это был узкий, отделанный тёмным, почти черным деревом проход, освещенный лишь тусклыми, вмонтированными в стену светильниками, дающими мягкий, интимный свет. Воздух был прохладным и пах сухим деревом, воском и чем-то неуловимо-дорогим, но не едой.

— Как в шкатулке... — прошептала Аглая Эдуардовна, касаясь рукой гладкой поверхности стены. — Никаких излишеств.

В конце коридора их встретил метрдотель — безупречно одетый молодой человек с непроницаемым лицом. Он молча кивнул и жестом пригласил следовать за ним.

Вместо огромного общего зала их провели в... сад. Во всяком случае, так им показалось в первый момент. Они оказались в небольшом, но невероятно уютном пространстве. Стены были увиты живым плющом, под ногами вместо паркета или плитки был мелкий речной песок, приятно скрипевший

при ходьбе. Вместо столов — низкие восточные диваны с горой пестрых подушек, а между ними — медные столики-курильницы. Освещение создавали сотни крошечных огоньков, спрятанных в листве и напоминающих светлячков.

— Боже мой... — Серафима Павловна замерла на пороге.
— Это же... это же как гостиная Шахерезады.

В русском ресторане всё кричит о гостеприимстве: «Смотрите, как у нас богато! Ешьте до отвала! Пейте! Веселитесь!». Здесь же всё шептало: «Успокойся. Сядь. Замри. Почувствуй».

Метрдотель указал им на один из диванов.

— Месье шеф-повар сейчас подойдет. Желаете аперитив?

Когда он удалился, Эльвира Генриховна тихо сказала:

— Вы заметили? Здесь нет запаха кухни.

И это была чистая правда. В любом русском ресторане, даже самом дорогом, всегда есть этот густой, сводящий с ума аромат жареного лука, мяса, свежей выпечки. Он встречает тебя у входа и провожает до двери. Здесь же пахло сухими травами, розовой водой и дорогим табаком.

Вместо ожидаемого громогласного мужчины в высоком колпаке к ним вышел шеф-повар. Это была молодая женщина лет тридцати пяти, стройная и изящная, как фарфоровая статуэтка. На ней были не китель и брюки, а идеально скроенные черные шелковые брюки и белоснежная блуза с воротником-стойкой. Никаких татуировок на руках, никаких пышных усов.

— Bonjour, mesdames, — её улыбка была профессиональной — вежливой, но держащей дистанцию. — Я — Элен Леруа. Мне передали вашу... необычную просьбу.

Она села напротив них на низкую оттоманку с грацией балерины.

— Рецепт расстегая из Ленинграда? Признаться, это за пределами моего понимания о высокой кухне. Это же... еда вокзалов и трактиров.

Серафима Павловна выпрямила спину. В её глазах блеснул стальной огонек.

— Мадам Леруа, вы путаете расстегай с современной стряпней из ларька у метро. Настоящий ленинградский расстегай — это симфония. Это блюдо для дипломатических приемов. Вы знаете, что в пятьдесят шестом году его подавали в самом Русском музее на ужине в честь французской делегации?

Элен Леруа чуть приподняла бровь. Укол попал в цель.

— Допустим. И что же вы хотите от меня?

Аглая Эдуардовна достала свой блокнотик.

— Мы хотим аутентичности. Мы хотим восстановить историческую справедливость. И у нас есть вопросы... Технические.

Элен взяла блокнот, пробежала глазами по первой странице и её улыбка из вежливой превратилась в заинтересованную.

— Температура лукового отвара? Вы серьезно? Кто сей-

час об этом думает?

— Мы думаем, — мягко сказала Эльвира Генриховна. — Именно в этом секрет теста. Если отвар кипел слишком бурно, лук отдаст горечь. Если был недоварен — не раскроет аромат.

Шеф-повар отложила блокнот и впервые посмотрела на них не как на странных туристов, а как на равных.

— Вы... вы действительно разбираетесь в этом.

— Мы реставраторы вкуса, мадам Леруа, — с достоинством произнесла Серафима Павловна. — И мы чувствуем фальшь за версту.

Элен Леруа задумалась на секунду, постукивая пальцами по столу.

— Что ж... Ваша страсть к деталям похвальна. Возможно... возможно, я смогу вам помочь. У меня есть один старый друг... Он работал сомелье в «Метрополе» много лет назад. Его звали Анри Дюбуа.

Дамы переглянулись, стараясь не выдать своего волнения.

— Правда? — как можно спокойнее спросила Аглая Эдуардовна. — И как мы можем найти месье Дюбуа?

Элен улыбнулась загадочной улыбкой Джоконды.

— Я могу ему позвонить. Но он очень стар и не любит неожиданных визитов. Если вы хотите с ним встретиться... вам понадобится очень веский аргумент.

Она сделала паузу.

— Например... подлинный рецепт того самого расстегая.

Это была ловушка. Красивая, изящная парижская ловушка. И они в неё почти попались.

Глава 7. Парижский гамбит

Они вышли из полумрака «Секретного сада» на залитую полуденным солнцем парижскую улицу. Контраст был разительным. После интимной прохлады и запаха сухих трав горячий воздух, пахнувший разогретым асфальтом и выхлопными газами, показался им почти обжигающим.

— Ну и духота... — Серафима Павловна сняла шляпку и обмахнулась ею, как веером. — Как в бане.

— Это не духота, Сима, — Аглая Эдуардовна поправила свою широкополую шляпу, защищаясь от яркого света. — Это климат. Континентальный.

Они медленно пошли по улице, не имея конкретного маршрута. Им нужно было подумать, а в этом городе, казалось, сама атмосфера располагала к размышлениям. Они прошли мимо маленького кафе, откуда пахло свежесваренным кофе и багетами, но даже это не отвлекло их от главного.

Эльвира Генриховна, которая всё это время молчала, разглядывая витрины антикварных лавок, наконец, нарушила тишину.

— Это была ловушка. Классическая, изящная ловушка.

— О, да! — Серафима Павловна фыркнула. — «Я вам помогу найти старого друга, но сначала отдайте мне то, что он у вас украл». Какая наглость! Какая... французская элегантность!

— Она нас проверяла, — задумчиво произнесла Аглая Эдуарнаменю — Элен Леруа не просто шеф-повар. Она — привратник у ворот. Она знает об Анри Дюбуа. Возможно, она с ним в сговоре. Или... она работает на тех, кто стоит за всем этим.

— Но зачем такие сложности? — Эльвира Генриховна остановилась у витрины с фарфором. — Почему бы просто не потребовать рецепт? Зачем эта игра в кошки-мышки?

— Потому что они не уверены, — ответила Аглая Эдуардовна. — У них есть тетрадь? Возможно. Но есть ли у них ключ к шифру? Знают ли они последовательность? Сомневаюсь. Рецепт без понимания системы — это просто хороший пирог. А им нужно яйцо Фаберже.

Они дошли до угла и свернули на более широкую улицу. Мимо пронёсся поток машин, на секунду оглушив их.

— Значит, мы не отдадим рецепт, — твёрдо сказала Серафима Павловна.

— Конечно, нет, — кивнула Аглая Эдуардовна.

— Но мы пообещали подумать, — добавила Эльвира Генриховна с лёгкой улыбкой.

Именно в этом и заключалась их сила. В то время как враг действовал прямолинейно, используя шантаж и давление, они играли в тонкую игру. Обещание «подумать» — это не отказ. Это затягивание времени. Это дипломатический ход, который даёт им пространство для манёвра.

— Что будем делать? — спросила Серафима Павловна.

— То, что и планировали, — Аглая Эдуардовна посмотрела на часы. — Сейчас три часа дня. У нас есть время до ужина. Предлагаю разделиться. Я пойду в Лувр. Мне нужно посмотреть на одну картину... для души. А вы...

— А мы пойдём на рынок! — глаза Серафимы Павловны загорелись знакомым блеском. — Настоящий парижский рынок! Нам нужно изучить местные продукты. Грибы, рыба... Мы должны понять, из чего Элен Леруа будет пытаться воссоздать наш шедевр.

— И заодно понаблюдаем за ней со стороны, — добавила Эльвира Генриховна. — Вдали от её стерильной кухни.

Они дошли до перекрёстка.

— Будьте осторожны, девочки, — сказала Аглая Эдуардовна.

— И ты, — ответила Серафима Павловна.

Они разошлись в разные стороны, три элегантные фигуры на улицах великого города. Враг думал, что загнал их в угол, предложив сделку с подвохом. Но на самом деле он просто открыл клетку и выпустил на волю очень опытных, очень умных и очень упрямых птиц.

Глава 8. Лувр. Диалог через века

Для Аглаи Эдуардовны поход в Лувр никогда не был просто экскурсией. Это было сродни визиту к старым, мудрым друзьям. Она шла по залам не как турист, спешащий поставить галочку напротив «Моны Лизы», а как профессионал, умеющий читать язык живописи, как другие читают газеты.

Она оставила пальто в гардеробе, оставшись в своём строгом, но элегантном костюме. Никакой суеты. Она купила билет и, минуя шумные группы китайцев с селфи-палками, направилась напрямиком в крыло Денон, на второй этаж. Туда, где в зале номер 706 висела её цель.

«Портрет Лунарии» кисти Жана-Батиста Гране. Не самое известное полотно, не из хрестоматийных. Но для Аглаи оно было ключом.

Она остановилась перед картиной, склонив голову набок. На портрете была изображена молодая женщина в тёмном платье на фоне тяжёлой бархатной драпировки. Её лицо было освещено мягким светом, а в глазах читалась не то грусть, не то тайное знание.

— Здравствуй, Лунария, — тихо прошептала Аглая Эдуардовна по-русски.

Она знала историю этой картины. Знала, что Гране писал её с натуры в своей парижской мастерской. Но она также знала то, чего не было в каталогах. В блокадном Ленинграде, в

промёрзшей квартире на Васильевском острове, эта картина спасла жизнь её подруге-художнице. Та обменяла небольшой эскиз, сделанный с репродукции этого самого портрета из довоенного журнала, на буханку хлеба и банку тушёнки.

Аглая Эдуардовна смотрела на картину и видела не просто мазки краски. Она видела руку мастера, его выбор палитры, то, как он положил тень под подбородком модели, чтобы подчеркнуть овал лица. Это был безупречный технический расчёт.

— Вы тоже находите в ней эту... загадку? — раздался рядом мужской голос на чистейшем русском языке.

Аглая Эдуардовна медленно повернула голову. Рядом стоял пожилой мужчина в твидовом пиджаке, с седой эспаньолкой и живыми, любопытными глазами. В руках он держал блокнот для зарисовок.

— Загадку? — переспросила она. — Я нахожу в ней безупречную школу. Посмотрите на светотень. Он использует кьяроскуро не для драматизма, а для создания объёма. Это очень... математический подход.

Мужчина улыбнулся.

— А я вижу в её глазах тоску по несбывшемуся. Но... вы правы. Технически это шедевр. Вы реставратор?

— Я историк. А вы?

— Искусствовед. Профессор Сорбонны на пенсии. Позвольте представиться: Анри Лефевр.

Они обменялись лёгким рукопожатием.

— Аглая.

Они постояли у картины ещё минут десять, ведя тихую беседу о технике живописи XVIII века. Это был диалог равных, понятный лишь посвящённым. Они говорили о грунтовке холста, о составе пигментов и о том, как время меняет цвет лака.

Прощавшись с новым знакомым у выхода из зала, Аглая Эдуардовна вышла на площадь перед пирамидой Лувра. Она достала из сумочки блокнот и сделала пометку: «Проверить связи Анри Лефевра с рестораном "Le Jardin Secret"».

Иногда ответы лежат не в прошлом искусства, а в настоящем людей.

Глава 9. Рынок Ришелье-Ленуар. Душа Парижа

Если Лувр был храмом разума и высокого искусства, то рынок Ришелье-Ленуар в квартале Ле-Аль был сердцем и желудком Парижа. Серафима Павловна шла сюда с трепетом паломника.

Она представляла себе шумный восточный базар из кинофильмов — с криками торговцев и горами разноцветных специй. Но реальность оказалась иной. Это был огромный крытой павильон из стекла и металла — «Чрево Парижа», как его называли раньше. Внутри стоял гул сотен голосов, звон кассовых аппаратов и непередаваемый, божественный аромат.

Серафима Павловна остановилась на пороге, вдохнув полной грудью. Здесь пахло жизнью: влажной землёй (корнеплодов), сладостью (спелых фруктов), животной силой (парного мяса) и морской свежестью (рыбы со льда).

Она медленно пошла вдоль рядов. Её не интересовали сувениры или модные деликатесы вроде фуа-гра. Её взгляд был прикован к основам.

У прилавка с грибами она замерла. В отличие от русских рынков, где грибы лежат бесформенными кучами или в простых корзинах, здесь каждый сорт был произведением искус-

ства. Ровные рядки лисичек (girolles), тугие гроздья белых (сèpes), аккуратные лотки с опятами (pie rouge). Продавец, колоритный мужчина в белом фартуке, увидев её интерес, заговорщицки подмигнул:

— Pour la soupe russe? (Для русского супа?)

Серафима Павловна улыбнулась и кивнула.

— Oui. Но мне нужны самые ароматные.

Продавец ловко выбрал ей несколько лотков разных грибов, описывая нюансы вкуса каждого так, как поэт описывает красоту возлюбленной. Дальше её путь лежал к рыбным рядам. Вот оно! На огромном ледяном прилавке лежала осетрина. Не та замороженная рыба из супермаркета, а живое серебро. Продавец в высоком колпаке виртуозно работал ножом, отделяя филе от кости одним движением.

Серафима Павловна наблюдала за ним несколько минут. Она видела главное: рыбу здесь уважали. С ней не обращались грубо. Каждый надрез был точным и выверенным.

Она подошла ближе и заговорила на своём безупречном французском:

— Месье... Эта осетрина... Она дикая или фермерская?

Продавец поднял на неё глаза и уважительно кивнул знающему:

— Фермерская, мадам. Из Аквитании. Но откормлена по особому рецепту на натуральных кормах. Видите цвет? Это не химия.

Серафима Павловна кивнула. Она видела цвет. Видела

текстуру мяса.

— А стерлядь у вас есть?

Продавец улыбнулся:

— Для вас — найдём.

Она купила небольшой кусок филе стерляди (для чистоты эксперимента) и немного фермерской осетрины.

Выйдя из павильона с пакетом свежей рыбы и грибами, Серафима Павловна почувствовала небывалый прилив сил. Она поняла главное: Элен Леруа может быть гениальным шеф-поваром по-французской кухне. Но она никогда не сможет воссоздать вкус того самого расстегая.

Потому что вкус — это не просто граммы и градусы из блокнота Эльвиры Генриховны.

Вкус — это душа продуктов. А душу русской стерляди или дикого гриба здесь, в сердце Парижа, найти было невозможно.

Глава 10. Сувениры для капитана Арсения

Серафима Павловна и Эльвира Генриховна возвращались в отель «du Passage» пешком, решив срезать путь через живописные улочки квартала Маре. Рынок остался позади, но его ароматы, казалось, всё ещё витали в воздухе, смешиваясь с запахом свежей выпечки из многочисленных буланжери. Пакет с рыбой и грибами, заботливо укутанный в несколько слоёв пергамента, Серафима Павловна несла с такой торжественностью, словно это были не продукты, а бесценные музейные экспонаты.

— Знаешь, Эля, — задумчиво произнесла она, останавливаясь у витрины маленькой книжной лавки, где за стеклом красовались старинные фолианты в кожаных переплётах. — Я вдруг подумала... Мы здесь занимаемся такими серьёзными вещами. Шантаж, шифры, тайники... А Арсений там, дома, ждёт.

Эльвира Генриховна мягко улыбнулась, глядя на подругу.

— И мы его не подведём. Но... ты права. Ему будет интересно узнать, что его бабушки — настоящие парижские шпионки.

Они переглянулись и одновременно рассмеялись.

— Давай купим ему что-нибудь? — предложила Эльвира

Генриховна. — Что-то... настоящее, парижское. Не магнитик на холодильник.

И начался волшебный процесс выбора подарков для любимого внука.

Сначала они зашли в магазинчик механических игрушек. Там, под стеклянным колпаком, кружилась в вальсе балерина, а рядом маршировал целый полк оловянных солдатиков. Но их внимание привлёк маленький рыцарь в блестящих доспехах. Он сидел на коне, и если повернуть крошечный золотой ключик, он поднимал забрало шлема и опускал копье.

— Это же д'Артаньян! — воскликнула Серафима Павловна. — Смотри, как он похож на мушкетёра!

Рыцарь-д'Артаньян был немедленно куплен и бережно уложен в фирменный пакет магазина.

Дальше их путь лежал в лавку канцелярских товаров. Здесь пахло дорогой бумагой и клеем. На полках стояли перьевые ручки, чернильницы и альбомы для рисования с плотными листами цвета слоновой кости. Эльвира Генриховна выбрала большой набор акварельных красок в кюветах и кисточку из натурального колонка.

— Пусть рисует свои кораблики качественными материалами, — строго сказала она.

Но главным сокровищем стала следующая находка. В переулке рядом с площадью Вогезов они наткнулись на витрину магазина редких изданий детской книги. За стеклом лежали старые, иллюстрированные издания Жюль Верна и ко-

миксы про Тинтина.

— «20 000 лье под водой», — прочитала Серафима Павловна название на корешке толстой книги с потрясающими гравюрами. — Представляешь его глаза, когда он это увидит? Правда, оценит он это лет через десять, не раньше.

Книга была большой и увесистой. Продавец завернул её в хрустящую бумагу и перевязал бечёвкой.

К отелю они подходили уже затемно, нагруженные свёртками. У Серафимы Павловны под мышкой был пакет с рыбой (который она теперь прижимала к себе ещё крепче), а в руках у Эльвиры Генриховны — стопка подарков: книга, краски и рыцарь-мушкетёр.

Они поднялись в свой номер. Аглая Эдуардовна уже была там — она сидела в кресле у окна с чашкой чая и что-то быстро писала в блокноте.

— Ага! — сказала она, поднимая взгляд. — Добытчицы вернулись! Я вижу по вашим лицам, что охота была удачной.

Серафима Павловна с грохотом водрузила пакет с рыбой на стол.

— Вот! Душа русского расстегая! Элен Леруа может кушать локти.

Эльвира Генриховна аккуратно разложила подарки на кровати.

— А это... это для нашего принца. Чтобы он знал, что мы о нём помнили каждую минуту.

Они втроем склонились над подарками. Аглая Эдуардов-

на осторожно погладила корешок книги.

— Как думаешь, он обрадуется?

— Он будет в восторге! Правда, лет через несколько! — хором ответили Серафима и Эльвира и снова рассмеялись.

В этот момент суровые «шпионки», ведущие опасную игру, снова превратились в трёх любящих бабушек. И эта мысль придавала им сил. Они были не одни. За ними стоял их дом, их семья и маленький мальчик, который ждал их возвращения с сокровищами из далёкого Парижа.

Глава 11. Ужин при свечах: вкус победы

Номер отеля «du Passage» был залит не просто светом ламп, а особым золотистым сиянием, которое бывает только от живого огня десятков свечей. Аглая Эдуардовна лично расставила их по комнате — на комод, на подоконнике, у зеркала. На круглом столе, покрытом хрустящей белой скатертью (которую Серафима Павловна привезла из дома, потому что «в гостиницах они всегда синтетические»), стоял букет свежих лилий. Но главным украшением стола была не еда, которую они принесли с собой, а то, как её подали.

Когда Серафима Павловна, смущаясь, попросила шеф-повара ресторана отеля приготовить для них рыбу, которую она купила на рынке, месье шеф лишь слегка приподнял бровь. А через час в номер постучал официант. Он вкатил столик на колесиках, снял серебряные клоши-колпаки, и перед дамами предстало настоящее произведение искусства.

Их стерлядь и осетрина больше не были просто рыбой. Это было *filets de sterlet à la crème d'oignons et aux champignons*. Нежнейшее филе лежало на подушке из картофельного пюре, политое соусом, в котором угадывался тот самый луковый отвар, но вознесенный до уровня высокой кухни. Рядом стояла корзинка со свежим багетом и крошеч-

ная вазочка с дижонской горчицей.

— Боже мой... — прошептала Эльвира Генриховна, глядя на эту красоту. — Они превратили нашу стряпню в парадный обед у короля.

Они расселись за столом. В бокалах искрилось белое вино, купленное после консультации с профессором Лефевром.

Серафима Павловна взяла вилку, но замерла, глядя на еду. Её глаза заблестели.

— Девочки... Я сейчас подумала... В сорок третьем году, когда мы получали хлеб по карточкам, кто бы мог представить, что я буду сидеть в Париже, и мне будут подавать ужин, достойный Версаля?

Эльвира Генриховна, которая уже пригубила вино, поставила бокал.

— Я помню тот суп из хрящей, Сима. Мы варили его три часа, чтобы он хоть немного напоминал бульон. А теперь посмотри...

Она обвела рукой стол: серебро, хрусталь, свечи, безупречная сервировка.

— Кто бы мог подумать...

Аглая Эдуардовна вздохнула, отрезая маленький кусочек рыбы.

— Я свой первый настоящий ужин в ресторане помню до сих пор. Это было... дай бог памяти... в пятьдесят девятом году. Меня взяли солисткой в гастрольную поездку в Моск-

ву. После спектакля повели в «Метрополь». Боже мой... Я была в своём единственном выходном платье, перешитом из маминого. Такое, знаешь, крепдешинное, в мелкий цветок. Я чувствовала себя Золушкой!

— Что ты заказала? — с улыбкой спросила Эльвира Генриховна.

— Я? — Аглая Эдуардовна рассмеялась звонким, молодым смехом. — Я так растерялась! Меню было на двух языках, сплошь незнакомые названия. Официант смотрит на меня выжидающе, а я краснею. И тогда я ткнула пальцем в самое дешёвое, что увидела. Оказалось — бефстроганов. Но я-то думала, это будет какой-нибудь изысканный паштет! Когда мне принесли огромную тарелку мяса со сметаной... Я чуть под стол не провалилась от смущения за свою наивность.

Серафима Павловна попробовала соус и закатила глаза от удовольствия.

— У меня похожая история. Мой первый поход в ресторан был с мужем, в шестьдесят втором. Он был инженером-конструктором, получил премию. Повёл меня в «Асторию». Я надела новое пальто с каракулевым воротником и туфли на шпильке, которыми натёрла мозоль ещё по дороге. Заказывали мы торжественно: салат «Столичный», шницель и компот. Шницель принесли размером с мою голову! Я ела его весь вечер, кусочками, пытаюсь сохранить вид светской дамы, пока муж хохотал в салфетку.

Эльвира Генриховна тихонько добавила:

— А я... я пошла в ресторан только в восемьдесят пятом. Уже с моим Семёном Петровичем, на годовщину свадьбы. В «Европу». Мне казалось, все на нас смотрят. Я заказала кофе по-венски, потому что боялась есть что-то сложное и испачкаться. Так и просидела над одной чашечкой кофе два часа, любуясь интерьером.

Они замолчали, глядя друг на друга. Три женщины, пережившие голод, блокаду, разруху. Которые впервые попробовали ресторанную еду робко, стесняясь своего скромного вида и незнания этикета. И вот теперь они здесь. Не гости, а полноправные хозяйки положения, оценивающие работу другого шеф-повара.

— Месье знает толк в рыбе, — констатировала Аглая Эдуардовна, промокнув губы льняной салфеткой. — Надо передать ему наше восхищение.

Это был не просто ужин. Это был вкус жизни. Вкус победы над временем, над обстоятельствами и над врагами, которые думали, что их можно запугать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.